

ГАБДУЛЛА БУБИ — РЕЛИГИОЗНЫЙ ФИЛОСОФ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ

ЗАКИРОВ

Айдар Азатович,

науч. сотр., Центр исламоведческих исследований Академии наук РТ (420111, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а).
E-mail: aydarzak1@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные идеи Габдуллы Буби (1871–1922), которые характеризуют его как религиозного философа и просветителя. В частности, анализируются его полемический труд «Истина» и трактат «Женщины». В статье отражается проблематика трудов, дается их оценка. Также в нем отражены ключевые для коранической экзегетики понятия «насих» и «мансух», затрагивается концепция «открытия дверей иджтихада» как идейный инструмент религиозно-философских размышлений Г. Буби.

Ключевые слова: Габдулла Буби, «Истина», «Женщины», «Хакыйкать», насих, мансух, иджтихад, богословское наследие.

УДК 297.17
DOI 10.22311/2074-1529-2018-14-1-137-150

Габдулла (Нигматуллин) Буби (1871–1922) по праву считается одним из наиболее ярких представителей татарской теологической школы начала XX в., изучение его жизни и творческого наследия — важный шаг на пути возрождения отечественного мусульманского богословия. Г. Буби достаточно подробно изложил свою жизнь в автобиографических сочинениях «Краткая история медресе Иж-Буби»¹ и «Зиндан»², а взгляды мыслителя были освещены в сочинениях его учеников Дж. Валиди³ и З. Алиева⁴ и в работах современных исследователей А. Х. Махмутовой и Р. А. Гимазовой. Г. Буби является автором многочисленных работ по богословию, большинство из которых написано на старотатарском языке с использованием арабской графики и арабоязычной исламской терминологии. Из всего этого богатого рукописного

¹ Буби Г. Буби мәдрәсәсенә тарихы. 1913–1918 // ОРРК НБ КФУ. № 207 Т. (№ 2653). 185 кз.

² Буби Г. Өч томлык сайланма әсәрләр. I–III томнар. 1914–1916. I т. 140 кз. // ОРРК НБ КФУ. № 208 Т. (№ 2652).

³ Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 года). М.; Пг.: Госиздат, 1923. 107 с.

⁴ Алиев З. Истәлекләр // ОРРК НБ КФУ. № 3258 Т.

и печатного наследия к настоящему времени в переводе на русский язык изданы лишь отдельные фрагменты «Истины», которые приведены в книгах А. Х. Махмутовой «Лишь тебе, народ, служенье!»¹ и Р. А. Гимазовой «Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби»². К сожалению, богословское наследие Г. Буби изучено в недостаточной степени и нуждается в более глубоком анализе.

Мы полагаем, что процесс возрождения исламской богословской мысли в нашей стране должен сопровождаться переводом на русский язык трудов татарских ученых-теологов, осмыслением этих трудов с позиций современности и включением их в научный оборот. Осмысление и перевод богословского наследия татарского народа — процесс многогранный и сложный в связи с разрывом поколений и утратой преемственности в изучении этого пласта знаний в советский период. Вместе с тем вопрос этот находит понимание и поддержку со стороны руководства РФ. Так, на церемонии открытия Московской Соборной мечети 23 сентября 2015 г. В. В. Путин сказал, что «государство будет и впредь помогать воссозданию отечественной мусульманской богословской школы, своей системы религиозного образования»³. На этом этапе возрастает роль российских религиозных деятелей ислама, их оценки современных общественных процессов в стране и мире в целом. Сегодня требуется глубокий анализ российского богословского наследия как фактора противодействия внешнему религиозно-политическому дискурсу ислама, чуждому нашим традициям, ценностям и обладающему деструктивным потенциалом. В настоящей статье представлены религиозно-философские взгляды Г. Буби, изложенные в таких его сочинениях, как полемический труд «Истина» и трактат «Женщины».

В мусульманской экзегетике считается, что ниспослание аятов и интерпретация смыслов Корана обусловлены конкретными социально-историческими условиями развития исламского вероучения. Если при жизни пророка Мухаммада единственными источниками права были Коран и Сунна, то после его смерти, в период правления праведных халифов, решения принимались в рамках *иджма* (согласованное решение наиболее близких сподвижников) и *рай* (свободное мнение, основывающееся на толкованиях Корана и Сунны). М. Степанянц определяет «рай» как личное мнение, которое «было заменено иджтихадом, суждением менее произвольным, поскольку оно предполагало заключение на основе компетентного знания Корана и Сунны и понимания

¹ Махмутова А. Х. Лишь тебе, народ, служенье! История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби. Казань: Магариф, 2003. 453 с.

² Гимазова Р. А. Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби. Казань: Печатный двор, 2004. 220 с.

³ Руководство РФ будет поддерживать развитие мусульманского богословия в стране // Интерфакс. 2015. 23 сент.). [Электронный ресурс] // URL: <http://interfax-religion.ru/print.php?act=news&id=60271> (дата обращения: 15.09.2017).

их смысла в заданной ситуации»¹. В религиозно-правовой и богословской практике под *иджтихадом* понимается «труд, усердие в вынесении правовых предписаний и решение различных религиозных проблем и вопросов на основании аятов Корана, хадисов, кийаса и иджмы»². В X в. в результате формирования правовых школ ислама и кодификации религиозно-правовых норм начала укрепляться мысль, что время *иджтихада* прошло, традиция *таклида*, т. е. следования религиозным постановлениям *муджтахидов* первых четырех столетий ислама, стала считаться нормой. Происходила постепенная догматизация религиозных норм, что привело к сдвигу в сторону ортодоксальности, конформизма и общинности, в противовес плюрализму мнений, инновациям, свободомыслию и индивидуализму³.

Несмотря на этот укоренившийся стереотип, некоторые мусульманские ученые и мыслители, такие как Абу Хамид ал-Газали (1058–1111), ибн Рушд (1126–1198), ал-Байдави (1226–1286), ибн Таймийа (1263–1328), Ибн Каййим ал-Джаузийа (1292–1350), Шах Валиуллах Дехлеви (1703–1762) неоднократно обращались к проблеме *иджтихада* и призывали использовать его в решении правовых и богословских споров. Обсуждение этой темы не утратило своей актуальности в Новое время, и такие ученые-мыслители мусульманского Востока, как Дж. ал-Афгани (1839–1897), М. Абдо (1849–1905), Р. Рида (1865–1935), М. Икбал (1877–1938), С. Ахмед-хан (1817–1898) призвали к открытию «дверей *иджтихада*». По их мнению, путь к *иджтихаду* «не только не закрыт, но и каждый факих, отвечающий требованиям веры, обязан использовать метод *иджтихада*»⁴.

На рубеже XIX–XX вв. в татарском обществе также возникает широкий интерес к вопросу *иджтихада* и *таклида*. *Иджтихад* рассматривается как одна из идейных основ для реформирования социальной, культурной, политической и экономической жизни татарского общества, а практика *таклида* — как одна из причин интеллектуального застоя и социально-экономического и политического упадка мусульманских народов. З. Камали (1873–1942)⁵ считал, что «основы законов должны быть приведены в соответствие со строем времени, с уровнем развития разума и мышления». Он утверждал: «Они должны согласоваться

¹ Степанянц М. Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока XIX–XX вв. М.: Наука, 1974. С. 46.

² Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. С. 266. [Электронный ресурс] // URL: <https://megatorrents.kg/download/125617-Islamskij-enciklopedicheskij-slovar-Aj-dyn-Arif-ogly-Ali-zade-2007-PDF> (дата обращения: 15.06.2017).

³ Lazzarini E. Rethinking the advent of jadidism // Kazan Islamic review. No. 1. Kazan, 2015. P. 134.

⁴ Санаи Мехди. Мусульманское право и политика: учебное пособие. М., 2004. С. 42.

⁵ З. Камали — мусульманский философ и религиозный деятель, педагог, основатель и директор уфимского медресе «Галия», ученик мусульманского богослова-реформатора, общественного деятеля и муфтия Египта М. Абдо.

с благом и мудростью для данного периода истории и быть способными решать возникающие с каждым новым веком проблемы; в связи с этим необходимо составление проектов, реформ и правил различного уровня, что доверяется специальной комиссии по учреждению законов. На языке Драгоценного Корана этот орган называется «Обладающие знанием о Божьем Деле» (*улу ал-амр*), «Обладатели способностями первооткрывателей» (*ахл истинбат*). В терминологии *фикха* [эта категория лиц] именуется *муджтахидами*. Решения, выносимые этой создающей законы комиссией, называются *иджма*»¹. В своем проекте З. Камали не только указывал, что *иджтихад* применим, но и предлагал свой проект программы, который предусматривал принятие законов на все случаи жизни для проведения необходимых реформ в общественно-политической жизни.

Современник З. Камали М. Бигиев (1873–1949)² подчеркивал, что «для культурного, политического и социально-экономического возрождения мусульманских народов следовало преодолеть ряд серьезных недостатков и проблем в сфере *фикха*, а именно — межмазхабные разногласия и крайне порочную практику *таклида*»³. Он утверждал, что *таклид* — это недуг, который привел разум и сердца мусульман в состояние полного застоя, «превратил ислам из религии практического действия в религию оторванных от жизни догм», и далее: «Ослепляя нашу мысль, болезнь *таклида* осложнила наше социальное состояние и в итоге отвлекла наше внимание от чудесного шариата». Все политические и социальные проблемы, с которыми позже столкнулось мусульманское общество, являются следствием *таклида*⁴.

Г. Буби, последователь интеллектуальной традиции А. Курсави и Ш. Марджани (на произведениях последнего он практически вырос), в начале XX в. публикует серию очерков, посвященных насущным проблемам современности. Среди этих работ особое место занимают его произведения религиозно-философского характера, которые нашли широкое распространение среди шакирдов медресе и молодежи, — «Истина»⁵, «Прошло ли время *иджтихада*?»⁶, «Женщины»⁷, «Правильно ли читать проповедь на татарском языке?»⁸, «Многоженство

¹ Камали З. Философия ислама: В 2 т. Т. 1. Ч. I. Философия вероубеждения / пер., вступ. сл., примеч. и коммент. Л. Алмазовой. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. С. 142.

² Муса Бигиев — выдающийся татарский философ-богослов, общественный деятель, публицист; как и З. Камали, ученик М. Абдо.

³ Хайрутдинов А. Г. Муса Джаруллах Бигиев. Казань: «Фән», 2005. С. 122.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Буби Г. Хакыйкатъ. Ч. 1–8. Казан: Лито-Типография И. Н. Харитоновна, 1904–1906. 224 б.

⁶ Буби Г. Заманы ижтиһад монкарыһизме де илме? Казан: Электро-типография «Миллят», 1909. 69 б.

⁷ Буби Г. Хатыннар / А. Х. Махмутова, басмага әзерләүче. Яр Чаллы: «Ислам нуры» эшмәкәрлек үзәге, 2013. 302 б.

⁸ Буби Г. Татарча хөтбә уку дәрестме? Казан: Электро-типография «Үрнәк», 1908. 35 б.

относительно сохранения здоровья¹, «Счастье в браке»² и др. Наиболее важный из них — его философско-полемический труд «Хакыйкатъ, яхуд Тугрылык» [«Истина, или Правильный путь»]. По словам его ученика Дж. Валидова, до 1910 г. Г. Буби написал под этим названием более двадцати очерков, которые широко разошлись среди молодежи в рукописных вариантах.

Первые семь частей этой работы были опубликованы в Казани в 1904–1905 гг. Восьмая часть была запрещена казанским губернатором после издания. Девятая часть не прошла цензуру (именно она послужила основанием для обвинения Г. Буби в антиправительственной деятельности и осуждения в 1912 г.). Дж. Валидов в статье, написанной после смерти учителя, отмечал: «Его “Хакыйкатъ” [«Истина»] являлась своеобразным журналом, особенно в последних, неопубликованных, частях, и выносила на открытое обсуждение актуальные вопросы эпохи. Они касались всех сторон человеческой жизни. «Истина» в свое время была очень популярным произведением и передавалась шакирдами из рук в руки. Своей смелостью в религиозных вопросах ее автор приводил в изумление молодежь, у которой только-только начала пробуждаться мысль. Трудно указать на какое-либо другое произведение, которое бы так способствовало потере авторитета ортодоксального духовенства и крушению старометодных медресе. Многие из приехавших в Иж-Буби учиться, и я в том числе, были людьми, прочитавшими «Истину» и стремившимися услышать эти мысли из уст самого автора»³.

Во введении, которое было издано как первая часть, раскрывается замысел сочинения и предлагается определение философской категории «истина» [хакыйкатъ]. Г. Буби трактует «истину» как «своеобразный клад», который следует искать, а пути подхода к нему усердно и настойчиво узнавать у ученых⁴. Исследователи жизни и творчества Г. Буби слово «тугрылык» переводили со старотатарского на русский язык как «верность, преданность, лояльность». Однако нам представляется, что это понятие следует переводить как «правильный путь», «праведность» [на современном турецком языке «doğruluk»], что более соответствует названию и содержанию сочинений: «Правильный путь — это то, что возвышает и ценится среди людей, его обязывает каждый шариат, каждый человек ищет его, согласуясь со своей совестью, которая направляет человека на этот правильный путь»⁵. Следующие слова также подтверждают

¹ Буби Г. Тәғаддәе зәүжәте хифзы сыйххәтә татбыйкь. Оренбург: Типография Гильман Ибрагимовича Каримова, 1901. 20 б.

² Буби Г. Тәзәүеждә сәғадәт. Оренбург: Типография Гильман Ибрагимовича Каримова, 1902. 35 б.

³ Цит. по: Марданов Р. Рахимов С. Миннуллин Р. Бертуган Бубыйларһәм Иж-Бубый мәдрәсәсе: Тарихи-документаль жьентык. Казан: Рухият, 1999. 167–168 б.

⁴ Буби Г. Хакыйкатъ. Ч. 1–8. Казань: Лито-Типография И. Н. Харитоновна, 1904–1906. С. 34.

⁵ Там же. С. 2.

наш вариант названия: «Даже педагоги и шейхи, которые кажутся учеными людьми, не придерживаются пути Пророка и его сподвижников. Причина — в упадке образования и просвещения, в следовании решениям и фетвам ленивых ученых, которые достигли статуса ученых и отказались от первоначальных обязательных положений религии и не занимаются благовидными делами. Они не понимают, что правильный путь [тугрылык] — это не путь предков и праотцов, а путь счастья и благополучия, который предписал нам ислам»¹.

В серии очерков «Истина» Г. Буби рассматривает богословскую дихотомию *насих–мансух*, ссылаясь на трактат Джалал ад-дина ас-Суйути (ум. 1505) «Совершенство в коранических науках»². В этой работе Дж. ас-Суйути указывает, что «насах» применим лишь в отношении 20 аятов Корана³, а Г. Буби считает, что и эти 20 *айатов* не являются отмененными⁴. Г. Буби полагает недопустимым относить *айаты* к категории отмененных, в то время как *хадисы* можно отнести к разряду с неясным смыслом⁵. Тем более, если это *хадис* с одним передатчиком, так как тот может быть склонен к ошибкам — и в принятии решений, и в передаче *хадиса*.

Г. Буби отмечает: «Среди старых мусульманских ученых были удивительные люди, которые, начав говорить о чем-либо, по возможности старались умножить его». В качестве примера он приводит знаменитого *карья* [чтец Корана наизусть] Абу ал-Касима Хибатуллу бин Салама бин Насра бин Али ал-Багдади (ум. в 410 г. *хиджры*), который в одной только суре «Бакара» насчитал 30 *мансухов*. Всего же он насчитал 225 *мансухов*. Он даже посчитал отмененной суру «Аспр»⁶. Г. Буби указывал, что «имам ас-Суйути, несмотря на то, что он жил спустя пятьсот лет после Абу ал-Касима ал-Багдади, не побоялся уменьшить число аннулированных аятов до 20»⁷ и предлагал не отменять положение 20 аятов окончательно: «Я обратился к различным авторитетным тафсирам, чтобы проанализировать толкования и причины ниспослания 225 аятов, которые имам Абу ал-Касим посчитал отмененными и обнаружил, что они применяются. Я даже обнаружил, что некоторые из 20 аятов, определенные имамом ас-Суйути вышедшими из употребления, применялись на практике»⁸. В качестве примера, он приводит

¹ Буби Г. Хакыйкатъ. Ч. 1–8. Казань: Лито-Типография И. Н. Харитонова, 1904–1906. С. 3.

² Суйути Дж. Совершенство в коранических науках. Вып. 4: Учение о понимании смыслов Корана / под общ. ред. Д. В. Фролова. М.: Восток–Запад, 2005. 320 с.

³ Муртазин М. Ф. Кулиев Э. Р. Корановедение. М.: Издательство Московского исламского университета, 2011. С. 263.

⁴ Буби Г. Хакыйкатъ. Ч. 1–8. Казань: Лито-Типография И. Н. Харитонова, 1904–1906. С. 14.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Там же. С. 14.

айат об оставлении завещания, который Абу ал-Касим ал-Багдади почитал отмененным *айатом* о *закяте*: «Они расходуют из того удела, которым мы их наделяем. Благочестивые из вас те, кто расходуют на пути Аллаха имущество, которым мы их наделили»¹. Согласно Г. Буби, трактовка айата такова, что предполагает расходование части имущества на пути Аллаха и не предусматривает обязательность закята. Он считает, что в «старые времена» исконно исламские ценности были подменены и в народе прочно укоренились не присущие исламу толкования, которые впоследствии стали именоваться традицией.

Изучив отменяющие и отмененные айаты в коранических науках, Г. Буби заключает, что в Коране не может быть насха, а хадисы с одним передатчиком не являются доводом в пользу отмены коранических предписаний. Он считает, что айаты дополняют друг друга: в некоторых случаях они носят уточняющий, а в других — обобщающий характер. Он рассматривает Коран как целостный, логически заверченный текст.

В трудах Г. Буби особое место занимают идеи таких мыслителей, как уже упоминавшийся Мухаммад 'Абдо и Ахмед Мидхат² (1844–1913). Вслед за египетским реформатором и мыслителем М. 'Абдо он утверждает, что обращение к разуму — одно из неизменных качеств ислама, именно поэтому первоначальный, истинный ислам является естественной и высшей религией, предоставляющей человеку возможность развития его естественных потребностей. Г. Буби считает, что ислам способствует сохранению здоровья человека, является источником равенства, истинной цивилизации, возвышенной культуры³. Он глубоко убежден, что ислам дает свободу разума и воли, устраняет этнические и классовые различия между людьми, кем бы они ни были — богатыми или бедными, арабами или неарабами, и называет благочестие, разум и законоположения шариата наивысшей добродетелью. Г. Буби позиционирует себя как истинный мусульманин и заключает: «Не существует в мире другой религии кроме ислама, которая препятствовала бы совершению греховных деяний, призывала бы к добру и производила бы впечатление на человека. Сказать — религия ислама — значит сказать — источник воспитания. Если мы поистине изучим причины скверных деяний, которые принижают достоинство человека, то мы увидим недостаток воспитания»⁴. Он глубоко переживает отставание мусульман от других народов из-за их невежества и косности мышления, призывает приобретать знания у немусульман: «Народы, исповедующие другие религии, уже давно проснулись. А мы все еще продолжаем

¹ Буби Г. Хақыкать. Ч. 1–8. Казань: Лито-Типография И. Н. Харитоновна, 1904–1906. С. 26.

² Мидхат Ахмед — крупнейший турецкий писатель, основоположник жанра романа и рассказа, журналист, переводчик и издатель Османской империи периода Танзимата.

³ Буби Г. Хақыкать. Ч. 1–8. Казань: Лито-Типография И. Н. Харитоновна, 1904–1906. С. 138.

⁴ Там же. С. 183–184.

спать в клетке невежества. Другие народы, зная, что мы — мусульмане, переносят наше невежество и глупости на ислам. Ибо всем известно, что прогресс каждого народа исходит из истинной религии, основанной на настоящей добродетели»¹.

В своих сочинениях заметное внимание Г. Буби уделяет женскому вопросу, посвятив ему труд под названием «Женщины»². Он считает, что исламский шариат наделил женщин большими правами, нежели другие религии и сравнивает их права с правами европейских женщин.

Во-первых, указывает он, ислам наделил женщин правом свободного пользования своим имуществом. Во-вторых, он дал им право получать образование и владеть любыми профессиями. Ислам практически уравнивал в правах женщин и мужчин, за исключением двух-трех позиций. Они получили право быть опекунами над мужчинами, издавать религиозно-правовые и судебные решения.

В качестве примера Г. Буби ссылается на решение второго халифа Умара ибн ал-Хаттаба, который назначил женщину управляющим рынками Медины. Для сравнения он обращает внимание на российские реалии того времени, когда женщина не имела права заниматься адвокатской деятельностью или занимать должность судьи³.

Он также предлагает отказаться от идеи подчинения женщины своему мужу, устоявшихся общественных и семейных норм (когда женщины не обедают вместе с мужем, встречают мужа стоя — с почтением и покорностью, отгоняют от мужа мух в летнее время, выказывают готовность подать стакан воды, держа его в руках). Г. Буби задается вопросом: «Неужели вы полагаете, что ваши женщины являются детьми и обязаны в каждом деле следовать воле своего мужа?» В качестве аргумента он приводит слова ученых-педагогов о том, что ограничение свободы препятствует развитию ребенка, сковывает его волю. Г. Буби не сводит процесс воспитания детей к назиданиям родителей и предлагает развивать их естественным образом⁴. Он считает, что девочек с малых лет следует обучать различным ремеслам (хлебопекарное дело, ткачество, ведение домохозяйства), прививать им желание изучать изящные искусства и развивать у них утонченные возвышенные чувства, в том числе побуждать к живописи и музыке⁵. Живопись и музыку он рассматривает как одни из способов воспитания в человеке возвышенных чувств⁶.

¹ Буби Г. Хакыйкатъ. Ч. 1–8. Казань: Лито-Типография И. Н. Харитоновна, 1904–1906. С. 93.

² Буби Г. Хатыннар / А. Х. Махмутова, басмага эзерләүче. Яр Чаллы: «Ислам нуры» эшмәкәрлек үзәге, 2013. 302 б.

³ Там же. Б. 20.

⁴ Там же. Б. 31.

⁵ Там же. Б. 187.

⁶ Там же. Б. 190.

Г. Буби доказывает необходимость приобретения знаний и просвещения как религиозный долг мусульманина: «На деле нам, взяв в назидаение эти выводы, необходимо прилагать усилия, совершать иджтихад, быть осведомленным в каждой науке и просвещении, ремесле и промышленности, мотивировать наш народ к учению и овладению ремеслом. И мы, муллы, обязаны делать это по шариату. Шариат предписывает нам, муллам, делать это»¹. Данная мысль была высказана в то время, когда в большинстве мусульманских учебных заведений изучали только религиозные дисциплины, а попытки новометодистов включить в учебную программу светские предметы воспринимались как отступление от норм ислама. О том, какая атмосфера царила в медресе самого Г. Буби, находим у Дж. Валидова: «Абдулла Буби и Зияуддин Камали принадлежат к более молодому поколению мусульманских улемов и являются учениками и распространителями идей египетских реформаторов... Они видят в Коране ту центральную исходную точку, из которой берет начало прогрессирующая человеческая культура. В этих двух медресе Коран толковался по самой новой моде: его аятам придавались самые невероятные значения в целях осуществления идей нового времени. Ислам — это сама культура, вот то короткое выражение, которым характеризуются эти учреждения. Хотя в них главное значение придавалось богословию, но и светские науки получили полное гражданство. Молодые мударрисы, стараясь приспособить ислам к светской культурной жизни, подвергали эту религию всевозможному упрощению, пренебрегая мелочами, относящимися к внешним обрядам веры»². Г. Буби считал, что религиозные знания не раскрывают физических свойств вещей, поэтому необходимы светские знания: «Всевышний вложил пользу в каждое творение, скрыв ее от нас, наделил нас разумом и повелел размышлять над способом их извлечения, чтобы мы раскрыли эти блага. Значит, нам следует пользоваться этими благами, а для того чтобы воспользоваться ими, мы должны знать пути и способы их применения. Невозможно познать их, если не ведать такими общеизвестными науками, как химия, механика, зоология, ботаника...» Далее следует вывод: «Если мы постараемся познать блага в творениях Всевышнего, созданных для нашей же пользы, и будем изучать науки, которые способствовали этому, Всевышний будет доволен нами и даст нам благоденствие и свободу, превратит наше будущее в рай. Если же мы будем искать счастье в молитве, зикре и четках, мы лишимся божественной милости, будем находиться в рабстве и унижении, не увидим и капли счастья, а наше будущее окажется в геенне»³.

¹ Буби Г. Хакыйкатъ. Ч. 1–8. Казань: Лито-Типография И. Н. Харитоновна, 1904–1906. С. 179.

² Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 г.). М.: Государственное издательство, 1923. С. 66.

³ Буби Г. Хакыйкатъ. Ч. 1–8. Казань: Лито-Типография И. Н. Харитоновна, 1904–1906. С. 178–179.

Г. Буби в своих сочинениях формировал особое отношение к труду, порицал праздность: «Жизнь любого творения состоит из двенадцати месяцев. Из них четыре, то есть одна треть жизни, являются запретными для вас: праздный образ жизни является запретным. Религия обязывает нас выделять на труд восемь часов — это естественный закон для сохранения здоровья. Восемь часов определены для сна, а остальные восемь часов — на еду и поклонение, дабы люди сохраняли естественный баланс жизненных сил. Если человек не отводит восемь часов на труд, он не получит умений и навыков для продолжения жизни. Внутренние животные чувства и страсти окутывают нас, побуждают к занятию бесполезными делами. Ваша задача — силой разума одолеть эти чувства и страсти»¹. Как сторонник практицизма и здравого смысла, он предлагает пути выхода из положения, в котором оказалась мусульманская умма: «Давайте возложим души и головы на путь знания и просвещения, ведущий к свободе и независимости. Поставим на повестку дня вопрос об отсутствии в шариате дел, исполняемых людьми, называемыми ишанами, и основанных на представлении, что подчинение и молчание ведут к величию и добру. Таким образом мы очистим нашу религию от этой фальши и покажем всему миру, что это естественная и цивилизованная религия»².

Г. Буби отмечает, что счастье и благополучие не достигаются путем молитв или благих намерений, приводя в подтверждение своей мысли хадис: «Прилагай усилия в мирской жизни так, как будто ты собираешься жить вечно, а для загробной жизни так, как будто ты собираешься покинуть этот мир завтра»³. На основе этих рассуждений Г. Буби заключает, каким должен быть истинный мусульманин: «Мусульманин станет последователем уважаемых предков только в том случае, если он размышляет, стремится проникнуть из явного в тайное, сведущ в законах науки. Благие дела не рассматривает как один из способов пополнения своего кармана. Он станет в числе тех, кто искренне возносит благодарность Всевышнему Аллаху. Следовательно, истинным мусульманином будет тот, кто выбирает путь, соответствующий Корану и Сунне, порицает праздный образ жизни, стремится иметь свое суждение об айатах и творениях Всевышнего, использует свой разум, чувства и способности, имущество и богатство лишь там, где оно может быть использовано»⁴. М. Вебер характеризует такой подход как «жизненное поведение, которое базируется на сознательной оценке мироздания и отношении к нему с точки

¹ Буби Г. Хакыйкатъ. Ч. 1–8. Казань: Лито-Типография И. Н. Харитоновна, 1904–1906. С. 156.

² Там же. С. 190.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 188.

зрения посюсторонних интересов отдельной личности», и именует его «практическим рационализмом»¹.

В обобщенном виде мысли и размышления Г. Буби можно свести к следующим ключевым идеям: возрождение религиозной мысли и практики в их первоначальном виде; переосмысление богословского и интеллектуального наследия ислама и адаптация его к реалиям эпохи; отрицание мусульманской мистической традиции и ишанизма как социального института; призыв к осознанному и деятельному поведению в жизни; «открытие врат *иджтихада*» и интеллектуализация общественной жизни; уравнивание в правах мужчин и женщин. Публикация этих очерков имела огромное значение в то время, когда религиозные установки пронизывали все стороны жизни татарского общества, когда в нем господствовало убеждение, что все действия и поступки человека четко регламентированы шариатом. Эти сочинения, провозглашая торжество человеческого разума, способствовали пробуждению сознания, развязывали инициативу людей, открывали перед ними возможности для самостоятельного поиска истины, служили руководством к действию, своеобразным маяком.

Литература

Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 920 с.

Буби Г. Хакыйкаты. Ч. 1–8. Казань: Лито-Типография И. Н. Харитонова, 1904–1906. 224 с.

Буби Г. Хатыннар / А. Х. Махмутова, басмага әзерләүче. Яр Чаллы: «Ислам нуры» эшмәкәрлек үзәге, 2013. 302 б.

Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 года). М.; Пг.: Госиздат, 1923. 107 с.

Гимазова Р. А. Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби: (конец XIX — начало XX в.). Казань: Печатный двор, 2004. 220 с.

Камали З. Философия ислама: В 2 т. Т. 1. Ч. I. Философия вероубеждения / пер., вступ. сл., примеч. и коммент. Л. Алмазовой. Казань: Татар.кн. изд-во, 2010. 319 с.

240 б.

Бертуган Бубыйлар һәм Иж-Бубый мәдрәсәсе: Тарихи-документаль жыентык / Р. Марданов, Р. Миннуллин, С. Рахимов. Казан: Рухият, 1999. 240 б.

¹ Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 95.

Махмутова А. Х. Лишь тебе, народ, служенье! (История татарского просветительства в судьбах ди-настии Нигматуллиных-Буби). Казань: Магариф, 2003. 453 с.

Санаи Мехди Мусульманское право и политика: учебное пособие. М., 2004. 97 с.

Степаняну М. Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока XIX–XX вв. М.: Наука, 1974. 188 с.

Хайрутдинов А. Г. Муса Джаруллах Бигиев. Казань: Издательство «Фэн» Академии наук РТ, 2005. 180 с.

Lazzerini E. Rethinking the Advent of Jadidism // Kazan Islamic review. 2015. No. 1. Kazan. 2015. P. 132–146.

References

Ali-zade A. A. (2007). *Islamskiy ensiklopedicheskiy slovar'* [Islamic Encyclopedic Dictionary]. M.: Ansar 920 p.

Bubi G. (1904–1906). *Haqiqat'* [The Truth]. Parts 1–8. Kazan: Lito-tipografiya I. N. Haritonova. 224 p.

Bubi G. (2013). *Hatinnar* [The Women]. Yar Challi: «Islam nuri» eshmerkerlek uzege. 302 b.

Weber M. (1990). *Izbrannie proizvedeniya: Per. s nem.* M.: Progress. 808 p.

Validov J. (1923) *Ocherk istorii obrazovannosti i literatury volzhskih tatar (do revolyutsii 1917 goda)* [Outline of History of Education and Literature of Volga Tatars Before the Revolution of 1917]. M.; Petrograd: Gosizdat. 107 p.

Gimazova R. A. (2004). *Prosvetitel'skaya deyatel'nost' Nigmatullinikh-Bubi* [Enlightenment Activity of Nigmatullin-Bubi]. Kazan: Pechatniy dvor. 220 p.

Kamali Z. (2010). *Filosofiya islama: v 2 t.* T. 1: Chast I. *Filosofiya veroubezhdeniya* [The Philosophy of Islam in 2 vol. Vol. 1. Part 1. The Philosophy of Theological Doctrine]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo. 319 p.

Mardanov R. Rahimov S. Minnullin R. (1999) *Bertugan Bubililar hem Izh-Bubi medresese: Tarihi-dokumental' zhientik.* [The Family of Bubi and Izh-Bubi Madrasah. Historical and Documental Anthology] Kazan: Ruhayat. 240 p.

Mahmutova A. H. (2003) *Lish' tebe, narod, sluzhen'ye! (Istoriya tatarskogo prosvetitel'stva v sud'bah dinastii Nigmatullinikh-Bubi)* [Only for You, Nation, My Service (History of Tatar Enlightenment Movement and the Fate of Dynasty of Nigmatullin-Bubi)]. Kazan: Magarif. 453 p.

Sa'di 'Abd al-Rahman bin Nasr (2008). *Tolkovaniye Svyachennogo Korana «Oblegcheniye ot Velikodushnogo i Milostivogo»: Smislovoiy perevod Korana na russkiy yazyk s kommentariyami Abdar-Rahmana as-Sa'di* [Interpretation of Holy Quran 'Relief from Generous and Merciful': Notional Translation of Quran into Russian with the Commentaries of 'Abd al-Rahman as-Sa'di]. V 3 t./Per. s. arab. E. Kuliyeu. M.: Umma. T. 1–3. 1152 p.

Sanai Mehdi (2004). *Musul'manskoye pravo i politika: Uchebnoye posobie* [Islamic Law and Policy: Manual]. M. 96p.

Stepanyants M. T. (1974). *Islam v filosofskoy i obchestvennoy misly zarubezhnovo Vostoka XIX–XX vv.* [Islam in Philosophical and Social Thought of East of XIX–XX Centuries]. M.: Nauka. — 267 p.

Hayrutdinov A. G. (2005). *Musa Jarullah Bigiev*. Kazan: Fen. 180 p.

Ibrahim Mustafa (1972). *El-mugzhem al-waseet* [Average Dictionary]. Istanbul: El-meketeb el-Islemiyye. 1067 p.

Osmanlıca — Türkçe Lügat (1994). [Ottoman — Modern Turkish dictionary]. İstanbul: TÜRDAV. 577 p.

Lazzerini E. *Rethinking the advent of jadidism*. Kazan Islamic review. № 1. P. 132–148.

GABDULLA BUBI AS RELIGIOUS PHILOSOPHER AND ENLIGHTENER

Aidar A. ZAKIROV,

research fellow, Center of Islamic
Studies, Academy of Sciences of Republic
of Tatarstan

(36a, Levo-Bulachnaya Str., Kazan,
420111, Russian Federation).

E-mail: aydarzak1@yahoo.com.

Abstract. The author of this article analyzes the religious and philosophical thoughts of outstanding Tatar theologian and enlightener Gabdulla Bubi (1871–1922) which were widespread among the students of madrasah in the beginning of the 20th century. Especially the author of this article examines the polemical work *Istina* and treatise *Zhenchini*. Considers problems raised in the works

of G. Bubi, gives his own assessment. Reviews the key terms of Quranic exegesis as abrogation (*nasih we mensuh*) and deals with the issue of free individual search in Quranic interpretation (*idzhtihad*) which is believed to be the core beliefs of life of G. Bubi. The translation and comments are presented by the author of this article.

Keywords: Gabdulla Bubi, truth, haqiqat, women, nasih, mansuh, abrogation, idzhtihad, theological thought.

UDC 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2018-14-1-137-150

